Новеллы

Владимир Некрасов

Принципы чистого искусства

Справка «ММ»

Владимир Некрасов родился 23 июня 1958 года в Магнитогорске. В 1997 году был принят в Союз писателей. Окончил высшие литературные курсы при Литературном институте имени М. Горького. В настоящее время возглавляет региональную организацию Союза российских писателей в Магнитогорске.

В литературе проявил себя как мастер коротких рассказов, написанных в стиле Даниила Хармса и Сэмюэля Беккета. Рассказы его печатались в журналах «Уральская Новь», «Берег А». Владимир Некрасов автор трёх книг прозы – «Чёт-нечёт» (2003), «Трава и собаки» (2006), «Два слова» (2014).

Муха

(переживание)

По стене над кроватью ползёт жучок. Маленький. Убивать его не буду. Хотя он и не заметит свою смерть. Положу на него свой палец, он и умрёт. Нет, пусть живёт. Это моё желание. Перевернулся на правый бок и наблюдаю за жучком. Пусть ползёт. Недавно залетела крупная бабочка, я её приколол к чистому листку бумаги и поместил на стену, затем приколол рядом маленькую оранжевую моль, а потом просто муху укрепил, в конце этого ряда. Всё. Больше не стану трогать этих мелких тварей. Муху уж очень жаль было. Она жужжала и шевелилась под булавкой, прецепленная на бумажный лист, потом замирала, потом снова жужжала и снова замирала. И вот, когда она не двигалась, а я на неё смотрел, на эту её безысходную позу, муха – совсем как маленький человечек, который ещё не знает, что умрёт. Мелкий чёрный человечек со скошенной упрямой головкой стремится жить, так стремится жить, активно шевелится, замирает и снова шевелится. И вся поза ожидания, изгиб лапок, эта головка, тельце под булавкой, такой страшный символ обречённости, и незнание своего конца, а может, знание. А я, смотрящий сверху, мнящий себя неизвестно кем, поглумился, опомнился, и сделать ничего уж нельзя. И жалко так мне этого маленького человечка, до того жалко, а не поможешь. Это загадка, почему бывает жалко какую-нибудь бессловесную тварь намного больше, чем просто человека, скажем, равного тебе.

А вот китайцы совсем не едят сыра, потому что считают его испорченным молоком.

Лишняя вещь

Юрий Николаевич Антокольский, холостяк, пятидесяти двух лет, проживал в двухкомнатной запущенной квартире недалеко от Измайловского парка. Он здесь родился, был оставлен отцом в трёхлетнем возрасте и провёл почти всю свою жизнь с мамой, которую похоронил два года назад.

Нынче утром он встал в семь часов, как обычно, умылся, почистил зубы, вскипятил чайничек, присел в провалившееся давно кресло перед ветхим оставшимся от мамы столиком, закурил сигарету и задумался. Он думал всегда. Навязчивое свойство его организма. Думал ни о чём. Просто думал.

Антокольский выкурил две сигареты подряд, прошёл на кухню, не включая свет, отодвинул занавеску и стал наблюдать за редкими прохожими, что спешили в утренних сумерках по своим делам. Его квартира, номер тридцать один, находится на первом этаже. Постояв так пятнадцать минут, он направился в спальню, заглянув по дороге в большую комнату за сигаретами. Опустился на кровать, закурил. Надо бы поменьше курить, а то кончатся, а до пенсии ещё жить. Юрий Николаевич стряхнул пепел в приспособленную для этого баночку из-под консервы и застыл в своих мыслях.

В семидесятые годы он закончил математический факультет томского университета. Яркие воспоминания оттуда. На первом и втором курсе он спал под столом, ещё один студент – на столе, а пятикурсники рядом, на кроватях. Всего же в комнате жило шесть человек, места не хватало. И еды ему не хватало, когда однажды на полгода лишили стипендии. Хорошо, что изредка мама присылала по десять или пятнадцать рублей. Сейчас хуже. Тогда всё было впереди, а сейчас ничего нет. Антокольский забрался под одеяло, прикрыл глаза и задремал.

Проснулся в двенадцатом часу. Совсем день. Юрий Николаевич лежал, смотрел в потолок с тихой улыбкой, под впечатлением сновидения. Будто он ехал в трамвае, пятнадцатым маршрутом, не московским, а тем, томским. Встретил на конечной остановке Володю с учебником Фихтенгольца в руках, а рядом Зоя Панова стоит, улыбается, единственная и безответная любовь Юрия Николаевича. Странно, а говорили... кто-то говорил, что их уж нет.

– Юра, ты совсем не герой... и всегда мешаешь думать, и вообще ты какой-то никчёмный в нашей светлой стране, Юрочка!.. – смеялась она своим звонким голосом.

А Юра заливался краской, вот и сейчас он немного покраснел, вспоминая об этом. Однажды на последнем курсе они шли втроём по весенней улице. Да, это было в марте, как и сейчас, только было тепло. Зоя держала Володю под руку, а тот, глядя вверх, со счастливым лицом цитировал что-то:

– Две вещи наполняют меня все большим удивлением и трепетом...

Юра, вслед за товарищем, тоже посмотрел вверх. По небу ползли белые облака, похожие на клочки ваты. И как-то хорошо всё это было, и Зоя, и Володя, и эти облака, и этот весенний день.

– Гляди, что он делает! – Зоя, смеясь, толкнула Володю, указывая на смотрящего в небо Юрочку. – Да он же просто лишняя вещь в кантовской формуле!

– Третий лишний! – захохотал Володя.

– Мама моя! Какое же хорошее было время, – вздохнул Юрий Николаевич, потянувшись за сигаретой.

Покурил и снова вздремнул. Проснулся в два, таблетки пить ещё рано, но вот пообедать, наверно, пора. Юрий Николаевич медленно поднялся, нащупал ногами шлёпанцы, шаркая, поплёлся на кухню, зажёг газ, поставил чайник, задвинул на окне занавеску, поёжился, на улице всё ещё холодно. А март, конец марта. Достал из кладовки пакетик китайской лапши, по три пятьдесят, всего три пакета осталось. Плохо. Отрезал край пакета складным засаленным ножичком, высыпал сухую лапшу в миску. Внутри ещё два мелких пакетика – приправа «со вкусом курицы» и растительный жир, приправу можно оставить, а вот жир... от него всегда тошнит. Юрий Николаевич присел на скрипучий стул и, задумчиво глядя на синенький под чайником огонёк, принялся терпеливо караулить закипание воды.

После диплома, на распределении с Антокольским произошёл странный случай. Он наотрез отказывался ехать в какой-то уральский городок, где обязан был отработать два года преподавателем математики в вузе. Юра ссылался, на то, что в Москве его ждёт мама, и ему нужно ехать туда, и только туда. Никто не ждал от него подобной выходки. А когда он сложил из своих белеющих костяшками кулаков два кукиша и стал в безумном молчании показывать их самому проректору и представителям комиссии, то вызвали санитаров, увезли в психиатрическую больницу и продержали там сорок дней. Пожалуй, первый и последний смелый поступок. Потом родной дом, мама... и опять больница, уже по месту жительства. Пенсию дали, невеликие деньги, а как мамы не стало, так и вовсе худо. Антокольский обычно покупает шестьдесят пачек примы и сорок пакетов лапши. Лекарства выдают пока ещё бесплатно. Кстати, не пора ли принять? Восемь минут третьего, да нет, рано ещё, ближе к пяти нужно выпить. Вот и чайничек закипел.

Юрий Николаевич залил лапшу кипятком, посолил, подождал полторы минуты и медленно съел.

Немного погодя снова прилёг, но уже не дремалось. Всё ворочался под одеялом, искал удобное положение, пока не свернулся калачиком на правом боку. Пролежав чуть дольше часа, он встал и решил всё-таки принять таблетки, ну пусть сегодня будет пораньше. Да солнышко какое-то выглянуло, можно и прогуляться минут двадцать-тридцать, третий день уж не выходит из дома. Да, действительно, хорошо бы прогуляться. Антокольский проглотил две белых горошины, не спеша оделся. Мама моя, вся одежда износилась, ну ничего, вот весна, тепло скоро.

Он тихо бродил по парку, в безлюдной его части, это любимое место. Потом присел на лавку, под нетёплоё солнце, задремал, да так и замёрз.

Принципы чистого искусства

(мысль)

Недавно, читая японского поэта Басё, наткнулся на два основных принципа искусства. Басё пишет, что однажды, коротая день за невесёлыми размышлениями в своей хижине из хвороста, он вдруг сложил строфу о гусеницах миномуси. Его гость старец Со взял на себя труд прокомментировать эту строфу стихами и прозой, так что вышел великолепный трактат, где автор выказывает сочувствие беззащитным и бесполезным миномуси. «О миномуси, – говорит он, – гусеницы-миномуси, я тронут вашей беззащитностью, деликатной робостью ваших голосов... сосновых сверчков, за их голоса заточают в корзинки, принуждают трудиться на людей и шелкопряда, и только гусеницы-миномуси кажутся нам совершенно бесполезными, и меня восхищает их безмятежность».

Вот так же и настоящий художник, подумал я, вспоминая биографию Ван Гога, делает свои картинки, абсолютно безполезные на взгляд окружающей толпы, и он так же беззащитен в это время перед потребительскими изысками внешнего мира, совершенно как эта гусеница-миномуси.

Итак, два основных принципа чистого искусства – беззащитность и бесполезность. Невзирая ни на чьи мнения, это совершенная истина.

Всё рядом

(случай)

Нашёл в библиотеке забавного автора – Варвара Титова, дореволюционное издание. Просто приятно читать, хорошая проза. Скопировал эту книжечку на дискету, и кстати. Чуть позже встретился мне Олег, который постоянно стремится идти со мной под ручку. Я всегда выдёргиваю свою руку, а он цепляется опять, кроме этого у него, кажется, очевидных недостатков нет. Ну, он, как обычно, схватился за мою руку и говорит: «Нет ли чего у тебя почитать?» Да вот, говорю, Варвара Титова, миловидная женщина, и всё такое, правда, умерла уж. А как раз стоим возле новых ворот Дворца культуры, и на стене рядом приделана чугунная отливка, а на воротах, между вензелями вмонтированы ещё какие-то рожи. И случайный мужчина с портфелем, по виду натура творческая, проходил неспеша мимо и бросил реплику, что всё, дескать, рядом. Да-да, подхватил я, и рай, и ад, и свет, и тьма, и кто-то ест, а кому-то суждено быть в качестве пищи. При этом мужчина вздрогнул, испуганно посмотрел на свой живот и быстро двинулся прочь. А мы с Олегом достали сигареты и закурили.